

Котов Александр Эдуардович
Иванов Андрей Александрович

**Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях
Российской империи¹**

Socio-economic Aspects of the Establishment of Zemstvo in the Western Provinces of the
Russian Empire

Аннотация: В статье рассматриваются социально-экономические аспекты введения органов земского самоуправления на западных окраинах Российской империи (современные территории Белоруссии, Литвы и Украины) в конце XIX — начале XX вв. Прослеживается история появления земства в западных губерниях; вместе с политическими и этноконфессиональными аспектами проблемы, акцентируется внимание на ее экономической составляющей. Помимо полемики и политической борьбы вокруг столыпинского закона о западном земстве, выявляются и анализируются результаты проведенной реформы, отразившиеся в экономической жизни западных губерний. Авторы приходят к выводу, что введение выборных земств положило начало формированию в Западном крае новой хозяйственно-экономической системы, способствовало перестройке аграрных отношений и привело к пробуждению экономической активности русского (великорусского, малорусского и белорусского) населения региона. Вместе с тем, из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны, выборные земские органы не успели проявить себя в полной мере, что не позволяет однозначно оценить результаты этой реформы.

Ключевые слова: западные окраины Российской империи, Западный край, западные губернии, П.А. Столыпин, земство, социально-экономическая политика, центр и регионы.

Resume: The article discusses the socio-economic aspects of introducing institutes of zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia) self-government on the western outskirts of the Russian Empire (modern territories of Belarus, Lithuania and Ukraine) in the late XIX - early XX centuries. The authors consider the history of the appearance of the zemstvo in the western provinces. Together with the political and ethno-confessional aspects of the problem, attention is focused on its economic component. In addition to the controversy and political struggle around the Stolypin's law on the Western Zemstvo, the results of the reform, reflected in the economic life of the western provinces, are revealed and analyzed. The authors conclude that the introduction of elected zemstvos marked the beginning of the formation of a new economic and economic system in the Western Territory, contributed to the restructuring of agricultural relations and led to the awakening of the economic activity of the Russian (Russian, Ukrainian and Belarusian) population of the region. At the same time, due to the outbreak of the First World War, the elected Zemstvo institutes did not have enough time to prove themselves fully, which does not allow us to unambiguously evaluate the results of this reform.

Key words: western outskirts of the Russian Empire, Western Territory, western provinces, P.A. Stolypin, zemstvo, socio-economic policy, center and regions.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 “The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)”.

История введения земства в западных губерниях Российской империи не обделена вниманием историков. Poleмика вокруг этого вопроса нашла отражение и в широком круге источников. Однако как в большинстве документов эпохи, так и в работах исследователей акцент преимущественно делался на политические и этноконфессиональные аспекты данной проблемы, в то время как ее социально-экономической составляющей уделялось значительно меньшее внимание. Такое положение дел вполне объяснимо: принятый в 1911 г. закон о земстве в западных губерниях вызвал в стране острый политический кризис, привел к конфликту между председателем Совета министров П.А. Столыпиным и законодательными учреждениями и едва не закончился отставкой премьера. На этом фоне социально-экономические аспекты реформы несколько затушевались, хотя при ее обсуждении и подготовке внимание им уделялось наравне с национальным, религиозным и политическим факторами. Так, отстаивавшая законопроект газета «Окраины России» писала в 1910 г.: «Не подлежит сомнению и то, что преобладание одной какой-либо народности в хозяйственной жизни не может не придавать определенно окраски всей местности, так как хозяйственные интересы едва ли не глубже и быстрее проникают в народные массы, чем интересы политические»¹.

Не вдаваясь в подробное описание всех этапов борьбы за введение земства в Западном крае, которая уже достаточно хорошо изучена историками и освещена в исследовательской литературе², напомним лишь основные ее вехи, сосредоточившись в рамках данной статьи на социально-экономических аспектах указанной темы.

Как известно, земская реформа 1864 года не распространялась на Западный край, включавший бывшие земли Речи Посполитой, присоединенные к Российской империи в конце XVIII в. К началу XX в. край состоял из девяти губерний — Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской³. Первые шесть из них составляли Северо-Западный край, а последние три — Юго-Западный. Вопрос о введении земств в этих белорусско-литовских и малороссийских землях поднимался с самого начала создания органов местного самоуправления, однако всякий раз упирался в серьезную проблему, связанную с этноконфессиональной ситуацией в Западном крае: экономическое господство польского католического дворянства, составлявшего в процентном отношении абсолютное меньшинство населения (в среднем, 4 % по переписи 1897 г.⁴) и при этом, как считалось, враждебно настроенного по отношению к России, заставляло правительство опасаться еще большего его усиления, так как при существующей системе выборов, именно оно должно было получить преобладание в земских органах края. Как отмечал депутат Государственной думы III и IV созывов октябрист Н.В. Савич, частное землевладение в западных губерниях «в большой мере продолжало еще находиться в руках поляков, элемента культурного, сплоченного и относившегося враждебно ко всему, что могло способствовать укреплению связи края с остальной Россией, продолжавшего политику колонизации крестьян, несмотря на более чем столетнее воссоединение этих губерний с русским государством. Естественно, при введении там земства этот культурный и враждебный русской государственной идее элемент получил бы преобладающее влияние в новых органах самоуправления и использовал бы их для вящей колонизации края, чего правительство не могло допустить»⁵. На это же обращал внимание и другой думский депутат, известный публицист русского национального направления В.В. Шульгин, отмечавший, что «богатый и прекрасный край», являющийся «колыбелью Руси» и «будучи сплошь населен русским племенем», в силу исторических причин «лишился как своей природной земельной аристократии, так и среднего городского и торгового класса»⁶. В результате, по оценке Шульгина, в Западном крае сформировались две враждебные друг другу силы — «небольшое числом сословие людей другой народности и веры» (польское дворянство) и «огромное черноземное море, масса сельского населения, принадлежащая к русскому племени». «В прошлом между ними кровавые счеты, в настоящем — противоположность интересов социальных, экономических, религиозных и политических»⁷. А между тем, продолжал публицист, западнорусское крестьянство,

оставаясь ущемленным в своих национальных, политических и социальных правах, значительно опережало по своему экономическому развитию крестьян-великороссов, так как не знало уравнительной поземельной общины и со времен отмены крепостного права перешло к подворному владению землей. Но, не желая в Западном крае «польского земства», русский националист Шульгин также был против совершенного отстранения польских помещиков от земской работы: «русская деревня не богата культурными силами, а потому устранять от земского дела людей образованных и хороших сельских хозяев — это роскошь не по средствам»⁸. Но в среде русских националистов звучали и категоричные мнения. «У нас или не должно быть никакого земства, или оно должно быть совершенно русским, с самым малым представительством от поляков, или же, правильное с совершенным устранением их от этого дела», — отмечал в 1909 г. публицист Д.В. Скрынченко⁹.

Первые проекты введения выборного земства в Западном крае появились уже 1860–1870-е гг.¹⁰ К концу XIX в. практически для всех стало очевидным, что отсутствие органов местного самоуправления создает ряд неудобств и тормозит развитие экономической жизни Западного края. После соответствующих предложений от местных губернаторов правительство приступило к разрешению этого вопроса, и в 1896–1897 гг. по указанию И.Л. Горемыкина начальник отделения Хозяйственного департамента МВД С.Е. Крыжановский разработал проект создания западного земства, имевшего некоторые ограничения: выборы допускались лишь для земских собраний, причем только в тех уездах, где земледельческое население признавалось «безусловно преданным русской государственности», а члены земских управ должны были назначаться администрацией¹¹. Но проект этот подвергся как консервативной, так и либеральной критике и был отвергнут. (Не последнюю роль в этом сыграли интриги С.Ю. Витте¹²).

В начале XX в. к проблеме вернулись снова, попытавшись хотя бы отчасти разрешить ее путем создания в 1903 г. в Западном крае губернских и уездных комитетов и управ по делам земского хозяйства из числа назначенных министром внутренних дел чиновников и местных жителей. Такая организация земского хозяйства в корне отличалась от земств, созданных в результате реформы 1864 г., поскольку выборный принцип был полностью отвергнут (современники провалили эти земства «казенными» или «маргариновыми»¹³). Кроме того, неудачной оказалась попытка сосредоточить все управление земским делом исключительно на губернском уровне, в то время как уездные комитеты не могли распоряжаться своими средствами, минуя губернскую управу. Поскольку касса была общегубернской, и обложение устанавливалось на всю губернию, разрушался важный принцип хозяйственного расчета, согласно которому, как отмечал Шульгин, каждое хозяйство «должно жить на свои собственные средства, принцип, который и обуславливает бережливое, целесообразное хозяйственное ведение дела»¹⁴. А так как все денежные средства земства сосредотачивались в руках губернской управы, стесненной к тому же необходимостью испрашивать разрешение на их израсходование в МВД¹⁵, прежде чем распределить их по уездам, уездные комитеты стали пытаться выторговать себе как можно больше средств, не сообразуясь со своим реальным вкладом в общую «копилку» и неотложными потребностями. Поскольку члены губернских комитетов не имели возможности проверить насколько важны и необходимы запросы их коллег из разных уездов, на практике дело обычно заканчивалось тем, что «уезды, представленные гласными покрасноречивее и понастойчивее, забирали себе львиную долю бюджета», и «деньги, полученные легко — легко и расходовались, тем более, что настойчивое проведение своих требований вовсе не всегда сопутствует умелому и добросовестному хозяйничанью»¹⁶. Отсутствие же согласованной работы приводило к многочисленным перекосам. Как отмечал в 1911 г. во всеподданнейшем отчете Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов, «особенно слабо развитою земскою отраслью является дорожное дело. <...> Явление это должно быть объяснено уездным сепаратизмом в данной области: каждый уезд думает лишь о своих дорожных нуждах, не согласуя

удовлетворения таковых с дорожными потребностями общегубернскими»¹⁷. Да и сам факт привлечения для работы в комитетах чиновников, часто приставленных к земскому делу случайно и не имевших особого рвения, нацеленного на хозяйственно-экономическое процветание края, зачастую приводил к формальному исполнению ими своих обязанностей. Не являясь ответственными перед населением, которое их не выбирало, гласные не были ответственны и перед администрацией, так как работа в земских органах не считалась государственной службой. В итоге, по справедливому замечанию В.А. Демина, созданные по закону 1903 г. земские учреждения «действовали крайне неэффективно из-за случайного состава гласных, ограниченности их полномочий, отсутствия уездных бюджетов и связи между распорядительными и исполнительными органами»¹⁸.

Очередная попытка была предпринята в 1906 г. — проект, разработанный в МВД, предусматривал уменьшение представительства дворян и закрепление за русскими (великороссами, белорусами, малороссами) определенного числа мест в земских органах, но из-за сопротивления польского дворянства она также не была реализована.

Помимо сопротивления проектам введения земства в западных губерниях со стороны польского дворянства, против них выступал и местный капитал как таковой. «...Крупный промышленный и земельный капитал вообще был крайне враждебен введению там земства, — отмечал Савич. — При существовавших порядках обложение на местные нужды было минимальным, вне всякого сравнения с тем, что имелось в староземских губерниях. Ясно, что введение земских учреждений очень быстро подняло бы это обложение, направило бы миллионы рублей на нужды местного крестьянства, и миллионы эти в значительной части были бы взяты из карманов этого богатого и эгоистического класса»¹⁹.

Принципиально новым этапом стала борьба за создание земства в Западном крае в законодательных учреждениях Российской империи. В 1908 г. по предложению октябристов и умеренно-правых Дума высказала пожелание о введении в западных губерниях выборного местного самоуправления. В следующем году, правая группа Государственного совета по инициативе Д.И. Пихно внесла законопроект о выборе девяти членов Совета от западных губерний (с 1906 губернии земские собрания имели право выбирать по одному члену Госсовета), разделив их по национальным куриям, чтобы русское население было представлено шестью членами Совета, а польское — тремя. Однако думское большинство, не желая ограничиваться лишь изменением выборов в Государственный совет, отклонило инициативу верхней палаты, предложив вместо этой паллиативной меры ввести в западных губерниях выборное земство. Как вспоминал Савич, октябристы убеждали Столыпина: «если правительство хочет изменить выборный закон в этих губерниях, у него есть простое и законное средство — стоит ввести там земские учреждения и тогда автоматически, в силу основных законов, выборы от землевладельческой курии будут заменены выборами от губернских земств, цель будет достигнута». А чтобы земства не попали под исключительное влияние поляков, продолжал Савич, «мы предложили провести в законе принцип ограждения русских интересов путем установления курий по национальностям, выделение поляков в особую курию с предоставлением им небольшого представительства в земских собраниях, например, пропорционально их численности в крае»²⁰. После недолгих колебаний Столыпин, не понаслышке знавший особенности края (детство его прошло в Виленской губернии, 13 лет он служил в Ковенской губернии предводителем дворянства, а в 1902–1903 гг. занимал пост Гродненского губернатора) согласился с доводами думского большинства и пообещал, что правительство в скором времени представит на суд Думы соответствующий законопроект.

Правительственный законопроект был внесен в Думу в январе 1910 г. Он предусматривал сочетание имущественных, сословных и национальных цензов, призванных обеспечить русское (преимущественно белорусское и малорусское) преобладание. Из 9 западных губерний выборное земство планировалось ввести лишь в 6,

отсрочив его введение в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях из-за невозможности обеспечения «русского земства» в двух первых (как отмечал Столыпин, русская недвижимая собственность в Ковенской губернии составляла не более 14 %, а в Виленской — не более 20,5 %²¹), и вхождения Гродненской губернии в одно с ними генерал-губернаторство²². Но это не означало, что от введения земства в этих трех губерниях отказывались в принципе — практически сразу же здесь началась подготовка почвы для его введения в отдаленном будущем: земли помещиков скупались Крестьянским банком и дробились между переселяющимися сюда русскими крестьянами, что в перспективе должно было обеспечить русскому населению большинство гласных²³.

Как вспоминал товарищ председателя III Государственной думы октябрист С.И. Шидловский, «сначала было предложено ввести своеобразное земство во всем Западном крае с приданием особых преимуществ представителям русской национальности, но как ни вертели и каких только комбинаций ни придумывали, оказалось, что достичь этой цели в Северо-Западном крае (губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской) совершенно невозможно за отсутствием в них русского элемента, и поэтому самая мысль о введении земства в нем была оставлена»²⁴. В тех же губерниях, на которое выборное земство распространялось, вводилось всеобщее голосование, не предусматривавшее выделение дворян в отдельную курию. Определенное количество мест предлагалось зарезервировать за православным духовенством, считавшимся в крае оплотом «русскости». Таким образом, польское население края должно было избирать наибольшее число земских гласных, а представители крупного дворянского землевладения (каковыми в Западном крае преимущественно были поляки) лишались преференций.

Выступая перед Думой 7 мая 1910 г., П.А. Столыпин среди прочих составляющих законопроекта обратил внимание депутатов на его экономические аспекты. Упомянув в своей речи, что поляки-землевладельцы в Западном крае «привыкли держать местное население под сильным экономическим гнетом и в экономической зависимости», премьер отмечал: «Правительство, и его противники сознают одинаково, что сообразно теперешнему состоянию Западного края необходимо использовать его местные элементы. Правительство обязано сгруппировать их, иначе оно стало бы пособником отсталости края, который до настоящего времени не имеет ни самообложения, ни уездных земств, который вследствие этого не может экономически прогрессировать, что, в свою очередь, отражается, конечно, и на благосостоянии всего государства»²⁵. Указывая, что в силу исторических обстоятельств «цитадели польской культуры» оказались намного сильнее разрозненных русских «гнезд», премьер задавал риторический вопрос: «...И вот, когда наступило время для большей свободы и самостоятельности местных групп, спрашивается, вправе ли государство предоставить русские силы самим себе, вправе ли оно теперь, в настоящее время, сразу отказать в помощи тем слабым отросткам русской государственности, которые там еще не окрепли, которые не могут еще самостоятельно себя ограждать? Возможно ли в настоящее время на политической арене Западного края предоставить свободное состязание, свободное соревнование двум политическим и экономическим факторам, русскому и польскому? Достояна ли русского правительства роль постороннего зрителя, постороннего наблюдателя (*справа и в центре рукоплескания и голоса: браво*), стоящего на этом историческом ипподроме, или в качестве беспристрастного судьи у призового столба, регистрирующего лишь успехи той или иной народности? (*Рукоплескания справа, возгласы: верно, браво!*)»²⁶. Подытоживая сказанное, Столыпин еще раз подчеркнул значение экономического фактора продвигаемого им законопроекта: «...Все историческое прошлое Западного края говорит за необходимость <...> оградить его от преобладающего влияния польского элемента в экономической, хозяйственной жизни, которою, главным образом, и живет местное население. Да, необходимо ввести земство, необходимо дать простор местной самостоятельности, необходимо развить силу тех племен, которые населяют Западный край, но исторические причины заставляют поставить государственные грани для защиты русского элемента,

который иначе неминуемо будет оттеснен, будет отброшен»²⁷. Спустя неделю, 15 мая 1910 г. председатель Совета министров, призывая депутатов поддержать законопроект, под рукоплескания правых и центра заявил: «...Если в настоящее время не будет принят земский законопроект, то, несомненно, край лишится возможности к дальнейшему процветанию, которое так дорого и правительству, и Государственной думе. Не принят будет этот законопроект, край будет долгое еще время пребывать в той экономической дремоте, в которой доселе пребывает Западная Россия»²⁸.

В целом, законопроект встретил поддержку правоцентристской части Думы — большинства октябристов, националистов и членов фракции правых (хотя единства в отношении столыпинского проекта в черносотенном лагере не было²⁹); с критикой его выступали социалисты, кадеты, прогрессисты и депутаты-поляки. Первые, в большинстве, приветствовали правительственную борьбу с полонизацией края, вторые — выступали против дискриминации по этноконфессиональному признаку. При этом как сторонники законопроекта, так и его противники также затрагивали его экономическую составляющую. Докладчик комиссии по местному самоуправлению националист Д.Н. Чихачев, представлявший Подольскую губернию, отмечал, что введение национальных курий в Западном крае обуславливается необходимостью считаться «с экономической зависимостью отдельных групп русских избирателей от польских избирателей». Эта экономическая зависимость, продолжал депутат, проявлялась в разных формах: как в виде «зависимости самого бедного русского населения — батраков — от землевладельцев, от крупных сельских хозяев, которые преимущественно в данном крае поляки», так и в виде зависимости отдельных групп мелких землевладельцев от крупных сельскохозяйственных промышленных предприятий, также находящихся в польских руках³⁰. На экономические аспекты законопроекта указывали и его противники. В частности, депутат-поляк Л.К. Дымша предупреждал, что при искусственном ограничении поляков, являющихся в Западном крае наиболее культурной и экономически развитой силой, трудно будет ожидать прироста материальных благ и «исковерканное» земство не принесет ничего иного, как «одни культурные и экономические убытки» и «новые взаимные национальные обиды и раны»³¹. На что, впрочем, В.В. Шульгин поспешил указать, что своими успехами польское сельское хозяйство обязано России, ибо до того, как эти земли были присоединены к Российской империи у немцев понятие «*polnische Landwirtschaft*» (польское сельское хозяйство) было нарицательным и обозначало все дурное, что можно было встретить в сельском хозяйстве. А потому из чувства к благодарности к России, позволившей материально процветать польским землевладельцам, последние должны смириться перед необходимостью поступиться частью своих привилегий в пользу пробуждающейся в крае русской народности³². Кадет А.И. Шингарев, выступая против законопроекта, обращая внимание на то, что правительство, указывая на экономическую слабость в крае русского большинства, до законопроекта о западном земстве не спешило «заняться подъемом экономического благосостояния и расцвета этого края»³³. А социал-демократ И.П. Покровский, также критиковавший правительственный законопроект, но ратовавший за экономический подъем западнорусского крестьянства, заявлял: если «высшие классы, польские по происхождению, заслонили поработанные народные массы», в результате чего «масса русская была слаба экономически и культурно», то есть только один верный выход переломить ситуацию — устранить поработание народных масс, предоставив им полную самостоятельность, «и русский край будет действительно и русский, и культурный, и экономически сильный». Для этого, по мнению Покровского, нужно было лишь ввести всеобщее избирательное право, и тогда без всяких искусственных ограничений «80–90 % русского населения действительно будут хозяевами края»³⁴.

После бурных дебатов и внесенных поправок, проект закона голосами правоцентристского большинства был принят (165 голосов против 139 при 8 воздержавшихся). Казалось бы, Столыпин, по словам кадетского лидера П.Н. Милокова утверждавший, что законопроект о введение земства в Западном крае будет важнейшим его

нововведением после аграрной реформы³⁵, мог торжествовать. Но следующего «фильтра» — верхней палаты, законопроект о западном земстве преодолеть не смог. В Государственном совете к критикам законопроекта слева подключилась влиятельная группа правых, посчитавшая неприемлемым «демократизацию» земства в Западном крае за счет снижения ценза и одновременно с этим, желавшая нанести ощутимый удар по премьеру. 4 марта 1911 г. Госсовет отклонил столыпинский законопроект. Расценив это как интригу, направленную лично против него, Столыпин на следующий день подал в отставку, однако император ее не принял. Тогда премьер выставил условием продолжения своей службы роспуск законодательных учреждений на три дня и принятие закона в рамках чрезвычайного-указного права по 87-й статье Основных законов, что и было сделано 14 марта 1911 г. Однако такой шаг Столыпина вызвал негодование практически всех политических сил и привел к серьезному политическому кризису³⁶. Между тем, пусть и неправовыми методами, но летом 1911 г. земство в Западном крае было создано и приступило к работе.

Согласно формулировке белорусского историка, во многом наследующей советской историографической традиции, «закон о западном земстве был плодом политического курса правительства П.А. Столыпина и являлся звеном в процессе реализации правительственной программы модернизации сельского хозяйства <...> Либеральный по форме (бессловность, вдвое пониженные имущественный ценз и вследствие этого повышенный удельный вес крестьянского элемента) — консервативный по существу»³⁷. Между тем, надежд власти на «консерватизм» той или иной из тогдашних общественных сил не следует преувеличивать: «существо» земской деятельности на западных окраинах мало отличалось от такового в земствах старых и заключалось в отстаивании «начал равномерности (в общественном смысле этого слова) в удовлетворении земством главнейших нужд населения и общедоступности для последнего школ, больниц и проч.»³⁸. Интересно, что националистические мотивы, сопутствовавшие обсуждению законопроекта, не получили какого-либо звучания в земской деятельности, а из изданий русских националистов земский вопрос практически исчезает. Причина этого, вероятно, заключалась в том, что достигнутое «торжество русского элемента», не только сняло этот вопрос с актуальной политической повестки, но и отчасти сгладило межнациональные противоречия в регионе.

Не вполне соответствует реалиям того времени и сложившаяся еще в советское время стереотипная трактовка наметившейся в 1910-е годы тенденции к коммерциализации земской деятельности — как тенденции буржуазно-рыночной. Современниками-земцами она воспринималась несколько иначе: как торжество принципа социальной справедливости. Б. Веселовский писал в начале 1914 г.: *«В своей основе деятельность земства была и останется деятельностью культурно-общественной в широком смысле этого слова. С изменением в благоприятную сторону внешних и внутренних условий, с усилением притока средств эта деятельность будет развиваться, становиться многообразнее и сложнее. Виднейшее место в ней будет и далее принадлежать, конечно, заботам просветительно-культурного характера (народному образованию, школьному и внешкольному и т. д.), но, повторяем, жизнь становится сложнее и соответственно этому предъявляет больше различных требований к местному самоуправлению. И тут-то, наряду с мероприятиями просветительно-культурными, должны получить широкое развитие мероприятия культурно-хозяйственные, на основе либо “услуги-возмездия”, либо даже на общественно-коммерческих началах. Это неизбежный выход и естественное следствие применение начала справедливости в общественном хозяйстве. Земство должно считаться с многообразием выдвигаемых жизнью культурных запросов и стараться их удовлетворить, но при условии, чтобы интересы целого, всего общественного союза при этом не приносились в жертву отдельным группам или даже лицам»*³⁹ (курсив источника — авт.).

Успешной деятельности новых земств способствовало два фактора. Первым из них было активное использование опыта как работы «старых» земств центральных губерний, так и «казенных» земств, функционировавших на западных русских окраинах по

положению 2 апреля 1903 г. «Земства 6 западных губерний, только недавно приступившие к работе, имеют перед собой богатый опыт полувековой деятельности земских учреждений в соседних губерниях, — отмечало одно из земских изданий. — Приемы работы, основные руководящие начала ее — уже налицо. И мы видим, что новые земства, сразу же воспользовавшись накопленным полувековым опытом, смело вступили в земскую семью и дружно принялись за земское культурное строительство <...> Старые земства должны были начинать работу с азов, новые же земства получили огромное наследие в виде опыта и навыков полувековой работы земских учреждений. Они получали возможность сразу же приступить к налаживанию в широких рамках всего земского хозяйства»⁴⁰. Опыт центральных губерний использовали и «казенные» земства, например, в деле организации медицинской помощи, благодаря чему земские учреждения, введенные в крае в 1911 г., застали уже готовую медицинскую организацию, имеющую свою историю и тесно связанную с местным населением⁴¹. Впрочем, и это полученное новыми земствами наследие требовало немалого труда по адаптации к местным условиям. В особенности это касалось наиболее бедных губерний. Так, согласно трехлетнему отчету Витебского губернского земства, «главнейшая особенность нового порядка» заключалась в децентрализации прав и обязанностей по заведыванию различными земскими отраслями и расширении полномочий уездных земств до пределов полной самостоятельности в отнесенных к их ведению областях хозяйства. «Отсюда, — отмечалось в отчете, — необходимость полного переустройства всего существовавшего до реформы строя земского управления на началах самоуправления и организации внутреннего распорядка земского управления применительно к новым формам и условиям земской деятельности. На это ушли и истекшие три года существования земства, посвященные сложной организационной работе, результат которой должен лечь в основу всей будущей земской деятельности»⁴².

Вторым фактором стало увеличение земских доходов и расходов сравнительно со сметами прежних «урезанных» земств. Земский бюджет Минской губернии (занимавшей среди шести западных губерний четвертое место по данному показателю) за 1911 г. (момент окончания действия положения 2 апреля 1903 г.) составил 2 096 034 руб., а за следующий 1912 г. (т. е. сразу после начала деятельности выборного земства) — уже 3 550 610 руб. и в дальнейшем ежегодно увеличивался почти на 50 %. Росли — прежде всего, за счет общего экономического подъема в регионе — земские сборы, но росло и государственное финансирование: «пособия земству от казны и возврат расходов», ежегодные суммы которых возросли за три года с 78 617 руб. до почти двух миллионов рублей⁴³. Государственная поддержка работы земств была закреплена, в частности, в законе 5 декабря 1912 г. Но ни этих средств, ни полученных в прежнем порядке земских сборов, не хватало на удовлетворение всех местных потребностей⁴⁴. Не случайно в начале 1914 г. министерство финансов внесло в Думу законопроект об устройстве кредита для городов и земств⁴⁵. Благодаря всему этому западнорусские земства в целом успешно решали проблемы сельского хозяйства, здравоохранения, народного образования, дорожного строительства, противопожарной безопасности⁴⁶.

Следствием активизации земской деятельности стало резкое повышение бумажного оборота. Так, в Витебской губернской управе в 1913 г. сравнительно с 1911-м количество постановлений увеличилось на 34%, а количество докладов — на 189%. При этом авторы отчета отмечали, что увеличившийся объем работы сочетался с уменьшением числа членов земской управы — «урезанная» состояла из четырех человек, выборная — из трех. Впрочем, штат собственно служащих (врачей, агрономов и т.д.) при этом рос: в конце 1911 г. он составлял 124 человека, к осени 1914-го — 194⁴⁷.

В связи с тем, что шесть западных губерний, в которых вводились новые земства, по преимуществу были аграрными, на первый план здесь выдвинулись агрономические мероприятия. Значимость и сложность последних обуславливалась также шедшими в стране аграрными преобразованиями: переходом от общинного хозяйства к единоличному.

Высокий гражданственный пафос предлагаемых земскими изданиями инноваций нередко приобретал анекдотический характер. Так, пропагандировавшая козоводство статья «Вестника Минского губернского земства» начиналась с лозунга: «Голодный крестьянин не работник, не солдат, не гражданин!». Дальнейшая мысль автора вращалась вокруг следующего риторического диалога: «...Кто же напитает нашего крестьянина, кто воспитает крепкими, здоровыми его детей, кто сохранит для государства сильного, здорового работника, выносливого, храброго солдата, стойкого гражданина? Коза, эта “корова бедняка”, как говорят немцы, “корова слабых и больных”, как говорят французы»⁴⁸. Не менее серьезная идеологическая база подводилась «Известиями Волынского земства» под вопрос о значении для пчеловодов кооперативной самоорганизации: «Слабость и беспомощность наших пчеловодов — в разрозненности. Их счастье и довольство — в единении. В единении — сила! Чудным олицетворением этой идеи служат последние события на Ближнем Востоке. Дружное единение славянских народов на Балканах в тесный братский союз создало ту могучую силу, проявлению которой не в состоянии устоять ни миллионная турецкая армия, ни первоклассные крепости Оттоманской империи, ни даже изворотливая европейская дипломатия...»⁴⁹.

Но центральной темой земской пропаганды был вопрос землепользования. В Могилевской губернии еще «казенные» земские комитеты выделяли средства на организацию в каждом уезде двух «опытных хуторов».⁵⁰ Организованные новыми земствами в куда более широком масштабе показательные хозяйства демонстрировали крестьянам преимущества «многопольного севооборота, травосеяния, введения новых культур и удобрения почвы суперфосфатом и томасшлаком»⁵¹. Большую роль в этой пропаганде играли и созданный в 1912 г. в Минске губернский сельскохозяйственный музей, и создаваемые в губернских центрах учебные заведения. Параллельно этому устраивались экскурсии крестьян и мелких землевладельцев в Данию и Швецию — «в эти классические страны мелкого землевладения и высокой сельскохозяйственной культуры»⁵².

В повышении культуры землепользования видели один из способов преодоления проблемы малоземелья: в земских изданиях со ссылкой на американский опыт проводилась мысль о том, что «3 десятины могут прокормить 18 человек, и прокормить хорошо»⁵³. Не случайно «Вестник Могилевского земства» предлагал читателю образ нового человека: опубликованный на страницах журнала рассказ «Фантазер» описывал тип прогрессивного крестьянина, узнавшего, что «в Дании, как сказывается в книжках, люди на трех десятинах живут припеваючи». Отказавшись от переселения в Сибирь, главный герой мечтал превратить свой выделенный из общинной земли «бобыльский кусочек» в 2,5 десятины в образцовый хутор, который сподвиг бы и соседей к преодолению косной общинной среды. Вполне в духе позднейшей советской пропаганды «колхозного счастья» автор рассказа рассуждал: «А ведь это вчерашний дикарь, тот жалкий и невежественный белорусский мужик, который еще вчера кроме допотопной сохи да тощих полос земли ничего знать не хотел»⁵⁴.

Крайне важной для региона и сравнительно новой для России была тема «культуры болот» — т. е. осушения и окультуривания болотных почв. С 1909 г. ей начали заниматься Новгородское и Тверское земство. Малороссийское и западнорусское крестьянство первоначально относилось к этим земским инициативам крайне скептически. Например, волынский мелиоратор описывал, как поселяне, «узнав, что болото предполагается вспахать и засеять викой с овсом, прямо в глаза смеялись: “Хтоце коли чув, щоб болото орали, та менэ люди просминют, як я оратыме”»⁵⁵. Особенно остро стоял болотный вопрос в белорусских губерниях, прежде всего Минской и Могилевской. Еще до начала работы выборного земства была создана Минская болотная опытная станция, работавшая под руководством специальной комиссии. Последняя земским собранием была упразднена и заменена техническим комитетом при губернской земской управе. Впрочем, к 1914 г. работа станции еще носила по преимуществу подготовительно-организационный

характер⁵⁶. Бюджет станции на 1912 г. составлял 35 030 руб., на 1913 г. — уже 42 587⁵⁷. Минское земство активно поддерживало все новые веяния в болотном деле. Так, большой интерес вызвал опыт пинского землевладельца С. Свежинского, в 1910 г. окультуривавшего родные болота «тем способом, который был применен некогда голландцами при осушении Голландии», т. е. посредством «устройства соответствующих дамб и плотин и выкачивание воды насосами»⁵⁸.

Немалую активность в «болотном деле» проявляли и земские деятели Могилевской губернии — занимавшей «одно из первых мест <...> по количеству негодных, бросовых земель»: «...Большое развитие болот местами носит характер прямого бедствия в виду полного отсутствия сенокосных угодий помимо тех, которые находятся под водой... А наряду с таким обилием поверхностной воды приходится сталкиваться с таким на первый взгляд странным явлением, как сильно ощутимый недостаток воды, пригодной для пищи и питья не только людьми, но и скоту. И это при том условии, что наш крестьянин способен пить из первой придорожной лужи». Остро — при том, что «деревенская Русь выгорает дотла в течение каждых двадцати лет» — стоял вопрос и противопожарного водоснабжения. Все это требовало масштабных работ по осушению болот, укреплению берегов рек, сооружения колодцев — для чего при губернской земской управе было создано культур-гидротехническое бюро⁵⁹.

Специалисты западных земств активно участвовали в работе общерусских мелиорационных съездов, и на московском съезде 1913 г. подняли вопрос о создании особого Полесского мелиорационного района, куда входили бы пять губерний: Минской, Волынской, Гродненской, Могилевской и Витебской. Для его создания в начале 1914 г. началась подготовка первого Полесского мелиорационного съезда в Минске⁶⁰. Впрочем, часть земств начала сотрудничать в этой сфере, не дожидаясь его созыва. Так, Волынское и Могилевское земство внесли в 1914 г. в смету Минской опытной станции по 1 000 руб.⁶¹.

В целом, введение выборных земств положило начало формированию в Западном крае новой хозяйственно-экономической системы. По замыслу Столыпина, привлечение к земской работе «русского элемента» должно было усилить влияние не только русских помещиков, но и зажиточных крестьян (преимущественно белорусов и малороссов) и тем самым способствовать перестройке аграрных отношений. Пробуждение экономической активности русского населения предполагало важные изменения в сельском хозяйстве, внедрение кооперации, использование новой сельскохозяйственной техники, развитие системы страхования и т.д.⁶² И экономическая активность действительно, практически сразу же проявила себя: стали расти расходы земств на агрономические мероприятия, появились опытные хозяйства и показательные хутора. Но в полной мере проявить себя в западных губерниях земство не успело, поэтому судить о том, насколько сильно оно повлияло на пробуждение экономической активности русского населения и, в целом, поспособствовало экономическому росту в регионе весьма затруднительно. С одной стороны, практически никто не сомневался, что выборное земство станет более эффективной экономической моделью и позволит значительно успешнее разрешить многие накопившиеся в хозяйственной отрасли проблемы, но с другой — возникал резонный вопрос: сможет ли при помощи этого «рычага» русское большинство края, отстававшее на тот момент в культурном развитии и экономическом влиянии от польского меньшинства, выполнить возложенную на него правительством задачу. Слишком короткий срок, отпущенный историей выборному земству в Западном крае, нормальный ход работы которого был прерван начавшейся вскоре Первой мировой войной, не позволяет, к сожалению, дать ответ этот вопрос.

¹ П.Б. Земство в западных губерниях // *Окраины России*. 1910. № 11. 13 марта.

² *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Западные окраины Российской империи*. М., 2006; *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016 и др.

³ *Энциклопедический словарь*. СПб., 1894. Т. 12. С. 247.

-
- ⁴ Демин В.А. Западное земство // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2011. С. 194.
- ⁵ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 64.
- ⁶ Шульгин В.В. Выборное земство в Юго-Западном крае. — Киев, 1909. С. 5–6.
- ⁷ Там же. С. 10–11.
- ⁸ Там же. С. 46.
- ⁹ Скрынченко Д. Открытое письмо думским октябристам // Минское слово. 1909. 25 декабря.
- ¹⁰ Западные окраины Российской империи. С. 271–273.
- ¹¹ Демин В.А. Западное земство. С. 193–194.
- ¹² Савич Н.В. Воспоминания. С. 63.
- ¹³ Западные окраины Российской империи. С. 262.
- ¹⁴ Шульгин В.В. Выборное земство в Юго-Западном крае. С. 27.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 2 об.
- ¹⁶ Шульгин В.В. Выборное земство в Юго-Западном крае. С. 28.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 2 об.
- ¹⁸ Демин В.А. Западное земство. С. 194.
- ¹⁹ Савич Н.В. Воспоминания. С. 64.
- ²⁰ Там же. С. 65–66.
- ²¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. СПб, 1910. Стб. 779.
- ²² Демин В.А. Западное земство. С. 194.
- ²³ Седова Я.А. Октябрьский режим. Т. 2. М., 2018. С. 317.
- ²⁴ Шидловский С.И. «Убежденный государственный» // П.А. Столыпин. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013. С. 38.
- ²⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. Стб. 776, 783.
- ²⁶ Там же. Стб. 777.
- ²⁷ Там же. Стб. 787.
- ²⁸ Там же. Стб. 1392–1393.
- ²⁹ Стогов Д.И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края // Русин. 2019. Т. 58. С. 85–87.
- ³⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. Стб. 741–742.
- ³¹ Там же. Стб. 934–935.
- ³² Там же. Стб. 955–956.
- ³³ Там же. Стб. 977.
- ³⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. Стб. 1097.
- ³⁵ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 335.
- ³⁶ Соловьев К.А. Конституционный кризис 1911 г. // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. С. 254–257.
- ³⁷ Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск, 1994. С. 26.
- ³⁸ Пятьдесят лет работы (1864–1914 гг.) // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 11.
- ³⁹ Веселовский Б. Сущность земской работы и ее главные направления // Вестник Могилевского земства. 1914. № 8. С. 12–13.
- ⁴⁰ Пятьдесят лет работы (1864–1914 гг.) // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 11–12.
- ⁴¹ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 3–4. С. 33.
- ⁴² Краткий очерк трехлетней деятельности Витебского губернского земства первого созыва. Витебск, 1914. С. 2.
- ⁴³ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 5–11.
- ⁴⁴ Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск, 1994. С. 35–38.
- ⁴⁵ Грасс Г. Об улучшении земских финансов // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 4. С. 4.
- ⁴⁶ Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси. С. 49–64.
- ⁴⁷ Краткий очерк трехлетней деятельности Витебского губернского земства... С. 5.
- ⁴⁸ Арский И.Д. Корова бедняка // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 2. С. 9.
- ⁴⁹ К.Т. Роль и значение пчеловодных кооперативов // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 23. С. 5.
- ⁵⁰ О сельскохозяйственном совете // Вестник земского хозяйства Могилевской губернии. 1907. № 1. С. 2.
- ⁵¹ Быховец. Агрономические мероприятия в районах землеустройства Могилевского уезда Могилевской губернии // Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4. С. 12.
- ⁵² Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 90–91.
- ⁵³ Коголь И. Что можно получить с одной десятины земли? // Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4. С. 16.
- ⁵⁴ Белорус. Фантазер // Вестник Могилевского земства. 1914. № 8–9. С. 37–42.
- ⁵⁵ Федоренко А. Заметки болотных дел мастера // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 16. С. 6.
- ⁵⁶ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 101–102.
- ⁵⁷ Сербин Е. О культуре болот // Известия Волынского губернского земства. № 12. С. 5–8.

⁵⁸ *И.Н.* Опыт применения нового способа осушки болот Минской губернии // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 1. С. 39–40.

⁵⁹ *Ветров А.* Культур-гидротехнические работы Могилевского земства // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 37–39.

⁶⁰ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 91–92.

⁶¹ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 102.

⁶² *Шоломицкая Т.Л.* Белорусская земская печать в системе реформирования сельского хозяйства // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 4. 2008. № 1. С. 73.